

ВАЛЕРИЙ МЕЛАДЗЕ ЛЮБИТ ПЕТЬ В ЦИРКЕ

Золотая середина (интерв. к Роме Краббе). — 1995 — № 11 — с. 8

А раньше ему нравилось заниматься глубокой очисткой воды

На фестивале "Ступень к Парнасу" в 1990 г. Меладзе и певицу Валерию пригласили вдвоем на сцену и представили примерно так: "А сейчас - Валерия и Валерий Меладзе". Вроде как "Анна и Михаил Сидоровы". Ясное дело, относительно песни "Валерия" ни у кого сомнений не было - посвящается жене его, Валерии.

На том фестивале 27-летний певец с Украины с грузинской фамилией лауреатом не стал, хотя и удостоился приза съемочной группы. Сегодня Меладзе - одна из ключевых фигур на нашей эстраде. И одна из самых необычных: он едва ли не единственный из отечественных поп-певцов обладает настоящим голосом.

Прощай, цыганка Сара, я ушел в бильярдную...

- Валера, давайте так - если есть какие-то закрытые темы, сразу предупредите.
- Я не очень люблю говорить о себе.
- Неплохое начало для интервью.
- Вернее - о своей личной жизни. В частности - о жене и дочке.
- Но тем не менее факт наличия жены и дочери вы не отрицаете?
- Нет, конечно. Я вообще за нормальные отношения между мужчинами и женщинами и не согласен с Алибасовым, что лучше пусть музыкант будет голубым, чем женатым.

- И как вам на Олимпе?
- Есть вещи, которые я сейчас просто обязан делать. Я должен давать автографы, фотографироваться с поклонниками. Хотя такую съемку считаю глупостью.
- А есть универсальный способ отказать? Не охотнику за автографами, а гонцу, которого присылают после концерта сообщить, что господа такие-то честь имеют пригласить Валерию Меладзе на банкет в его честь?
- Обычно делаем вид, что жутко устали. Это, кстати, правда. Я ведь после выступления мокрый насквозь.
- Серьезно? Я понимаю, Мик Джаггер сбрасывает на сцене по несколько кило, так он и движется как!
- Ну я, во-первых, тоже не стою без дела. А во-вторых, при пении у меня идет очень сильное напряжение мышц живота. Ну еще и эмоции, конечно. Хотя в последнее время стал замечать, что устаю гораздо меньше. У меня даже мысль возникла - а не становлюсь ли я энергетическим вампиром?
- Ну, Валера, от вас, честно говоря, не ожидал.
- Да нет, я тоже особо в невидимый переход энергии не верю, но есть вещи, которых мы, видимо, еще не знаем. Иногда выхожу в зал, лиц не вижу, но чувствую, что присутствует какая-то здоровая, добрая энергетика.

Очень люблю в цирках выступать. Там все как-то очень демократично. Не зря ведь в Риме все зрелища были в амфитеатрах. Но, в общем, я себя везде хорошо чувствую. И публика тоже: музыка у нас лирическая, нет в ней ничего

такого, что располагало бы людей к агрессивности или напоминало бы об отрицательных сторонах нынешней нашей жизни. Специально стараемся всю чернуху отбросить.
- А почему? Вы живете в состоянии такой внутренней гармонии, что вам и думать не хочется о чем-то скверном, а тем более - об этом петь?
- Ну, во-первых, и так грязно хватает - в музыке, в поэзии, в кино. Кроме того, чернушная музыка в моем исполнении звучала бы неестественно. А гармония... По крайней мере я к ней стремлюсь. И вовсе не обязательно, если певцу худо, делиться своими проблемами с публикой. Бетховен под конец жизни был глухим. Можете представить, как ему было плохо? Но ни в одном своем произведении он этого не показал. Для меня в этом отношении пример - мой отец. Он прожил нелегкую жизнь, но ни разу я не видел у него проявления злости, обиды на свою судьбу.
- Тогда уж, может быть, сразу и расскажете о вашей семье?
- С удовольствием. Мы родились и выросли в Батуми в семье инженеров. Нас трое детей - я, сестра и брат, Константин, который пишет музыку и слова. Мы все окончили технические вузы.
- Вот вы конкретно - какой?
- Николаевский кораблестроительный институт, а потом еще и аспирантуру, занимался глубокой очисткой воды. И должен сказать, мне это очень нравилось. Если бы у меня сейчас была пара месяцев, я бы, наверное, защитился. Я ведь, чтобы в аспирантуру поступить, пересдал кучу экзаменов (учился-то я не очень). А потом пришлось выбирать: то ли заниматься наукой, то ли музыкой. Остановился на музыке. Хотя был такой тяжелый период, когда приходилось деньги зарабатывать всякими способами - в основном честными, но не очень престижными.
- Ну-ка, ну-ка...
- Ездил за рубеж, занимался торговлей. Но бизнесмен из меня получился неважнецкий.

- Вы - аджарец или грузин?
- Аджарцы - это те же грузины, только мусульмане. А я - христианин. В моих жилах в основном течет имеретинская кровь. Плюс еще русская и польская. Ко мне чуть не в каждом городе подходят: "Вот мы тоже - Меладзе".

- А земляческие чувства в отношении вас грузинская общность Москвы как-то проявляет?
- Проявляет. Со многими людьми мне очень приятно видеться, с другими - не очень: кое-кто хочет видеть меня в числе своих друзей как приманку.
- "Приходи в гости, будет Меладзе"?
- Вроде того. А я очень не люблю, когда из общения со мной пытаются извлечь какую-то выгоду. Но это все касается не только моих земляков.
- Вы ведь продукт трех культур: в Грузии родились, на Украине учились, теперь живете в России. Наверное, все три страны заявляют на вас свои права: "Меладзе? Так это ж наш - русский (грузинский, украинский) певец"?
- Не без того.
- Но по-грузински вы можете объясниться?
- Могу и прекрасно все понимаю. По-украински тоже, но гово-

рю редко - так, смеха ради. Но симбиоз культур я в себе ощущаю. Может, оно бы и нужно как-то опеределилось, но причислить себя к какой-то одной нации я не могу. И в компаниях тост за дружбу народов я всегда поднимаю.
- Тосты - это предел того, что вы, выражаясь высокопарно, могли бы сделать как гражданин? Не создать ли вам фонд содействия чему-нибудь?
- Фонды себя уже настолько дискредитировали... Но я бы с удовольствием дал концерт где-нибудь на границе Грузии и Абхазии. Или Армении и Азербайджана. Потому что я знаю: наши записи слушают и там, и там. Если бы кто-то взялся за организацию этого дела, я бы без колебаний поехал.

- На конкурсе "Ступень в Парнасу" вы лауреатом не стали. А сегодня вы знамениты и любимы, хотя сами говорите, что петь с тех пор лучше не ста-

ли. Может, ну их вообще - все эти конкурсы? Пусть каждый молодой исполнитель найдет своего Евгения Фридлянда (продюсер Валерия Меладзе. - Л. З.) и шагает к славе под его руководством?
- Жена бы никогда мной не занялась, если бы не увидел во мне какого-то потенциала. И никто бы не стал вкладывать средства в мой промоушн без расчета на то, что потом эти деньги вернутся. Кстати: мы практически уже никому ничего не должны, все вернули с процентами.
- Но и сами ведь, наверное, стали богаче?
- Пришла некоторая стабильность: мы можем себе позволить хорошую студию, хорошую концертную аппаратуру. Я раньше очень боялся ресторанов и кафе. Особенно - приглашать туда девушек. Боялся оказаться неплатежеспособным. Сейчас могу с семьей и друзьями пойти в ресторан и поесть чего-нибудь интересного, вкусного.
Иногда я себя ощущаю счастливым, твердо стоящим на ногах человеком, что для мужчины очень важно. И деньги этому тоже помогли. Но музыка наша от этого лучше не стала.

- Принято считать, что популярному исполнителю полагается быть секс-символом.
- Когда тебя кто-то воспринимает как секс-символ, это неплохо. Но мужчина должен быть мужчиной во всем, в том числе - и в чувстве меры. Мне нравятся мои отношения с поклонниками: все очень умеренно и красиво.

- Поведайте о своей рок-рольной юности.
- Кажется, в 1990 году наша запись попала к руководителю группы "Диалог" Киму Брейтбургу. Ему показалось, что я голосом похож на Джона Андерсона из YES. В стиле этой группы он и захотел сделать альбом. Выпустили пластинку, которой я горжусь: это очень серьезная работа на стихи Арсения Тарковского, такая рок-сюита.
- Мне тут недавно книга попала - сборник интервью с деятелями нашей эстрады. Так они почти все на полном серьезе считают себя дедушками русского рока. У вас нет соблазна объявить себя крестным отцом отечественного арт-рока?
- Ну, должен прямо сказать... (за столом - оживление, смех. - Л. З.) Многие делают заявления, совершенно не задумываясь: а не смешно ли это? Мне, например, очень не хочется быть посмешищем.

Леонид ЗАХАРОВ.